

РУД

2
Mark

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hesse, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписная цѣна. Во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Германіи 33 мар., въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкой собственными разсылными ежедневно на домъ — 45 мар., при ежедневной непосредственной высылкѣ бандеролью — 60 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германіи: Во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи, Италіи, Швейцаріи, Испаніи, Америку Финляндію, Чехо-Словакию, Румынію, Юго-Славію, Болгарію, Турцію, Грецію — 120 герм. мар., Англію — 4 шилл. Литву, Венгрію, Эстонию, Латвію, Польшу — 80 герм. мар.; Австрію — 30 герм. мар. въ мѣсяцъ. Къ заказу просить прилагать деньги, во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія: основная плата 8 м. за строку непарели (ширина строки — одна двѣнадцатая часть страницы), для врачей, присяжныхъ повѣренныхъ, ищущихъ мѣстъ и для розысковъ 5 мар. за строку непарели. Строка объявленій въ текстѣ газеты 40 герм. мар. При крупныхъ заказахъ указанныя цѣны не обязательны. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Пріемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus“ Berlin SW 68, Kochstrasse 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein's, а также и въ редакціи газеты „Рудъ“, Berlin SW 68, Markgrafestrasse 73. Редакція открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 часовъ дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1/2 до 1/3 час. дня. Телефонъ редакціи: Moritzplatz 47-61.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Основанъ I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминна и В. Д. Набоковымъ †

Власъ Дорошевичъ *

IV.

Дорошевичъ любилъ играть на сценѣ и, кажется, былъ хороший актеръ. Въ Москвѣ и Петроградѣ онъ при мнѣ не выступалъ, поэтому я не видалъ его актеромъ. Но, судя по великолѣпному чтенію имъ своихъ вещей, онъ долженъ былъ играть превосходно. Напримѣръ, въ 1918 году онъ читалъ въ Петроградѣ рядъ интереснѣйшихъ лекцій по исторіи Великой Французской Революціи; любимый его предметъ въ послѣднія двадцать лѣтъ жизни. Я не знаю на современной русской кафедрѣ лектора болѣе эффектнаго. Дорошевичъ какъ бы разыгрывалъ всѣ эпизоды грозной темы своей въ лицахъ, быстрою смѣною интонацій и искусною мимикой оживляя предъ аудиторіей Дантона, К. Демулена, Робеспьера, Эбера, Марата, Бонапарта. Было очень интересно. Исторію революціи онъ изучилъ прекрасно и обладалъ, можетъ быть, лучшею въ Россіи частію бібліотекою по этому предмету, съ множествомъ драгоценныхъ изданій и документовъ эпохи, не часто встрѣчающихся даже въ специальныхъ государственныхъ книгохранилищахъ и архивахъ Франціи. Къ сожалѣнію, сокровище это погибло, въ долгое отсутствіе Дорошевича изъ Петрограда въ его предсмертные 1918-1921 гг. Стѣсненные коммунистической революціей обстоятельства и возрастающая дороговизна петроградской жизни принудили супруга Власа Михайловича, извѣстную артистку О. Н. Миткевичъ, разстаться съ бібліотекой мужа и продать ее во чьи то коммерческія руки.

Лекціи Дорошевича о французской революціи приобрѣтны ревельскимъ книгоиздательствомъ «Библіофиль». Это будетъ интересная книга. Не всѣ согласятся съ ея освѣщеніемъ революціи, слишкомъ, можетъ быть, подчиненнымъ Карлейлю и Тэню, но блестящія изложенія и картинная драматизація событій и яркая рельефность характеристикъ въ ней совершенно исключительны.

Въ своихъ сценическихъ выступленияхъ Дорошевичъ тоже постоянно озорвался комическими импровизаціями, неожиданными и для публики да, можетъ быть, и для него самого. Такъ, игралъ въ веселой комедіи Щеглова «Въ горахъ Кавказа» «прапорщика съ роковымъ взглядомъ», который живетъ и говоритъ «по Лермонтову», Власъ укладывалъ публику, что называется, въ лоскъ визопаша пѣвъ «Не плачь, дитя» изъ «Демона» на голосъ «Подъ вечеръ осени ненастной». Воображаю! Да еще его то дикимъ голосомъ! Да еще при его то прямо таки фантастическомъ отсутствіи музыкальнаго слуха!...

Но самымъ большимъ его сценическимъ курьезомъ было, по его собственнымъ словамъ, выступленіе — еще въ юные божьи годы — въ «Уріэлѣ Акостѣ» въ московскомъ театрикѣ Секретарева. Игралъ Власъ, конечно, не самого героя, а маленькую роль одного изъ братьевъ Уріэля — кажется, Рувима, по имени. За нѣсколько минутъ до того, какъ Акоста, осужденный синагогою къ публичному покаянію въ ереси, долженъ появиться предъ фанатическимъ раввиномъ и возбужденнымъ народомъ, Рувимъ, соучастникъ брата, тайно проникаетъ къ Уріэлю и убѣждаетъ его не отрекаться отъ своихъ свободолюбивыхъ убѣжденій. Всего нѣсколько словъ, потому что всю красоту, риторства Гудцовъ отдалъ Урі-

элю, а Рувимъ только подыгрываетъ ему да подаетъ реплики. Акосту играть какой то гастролеръ, провинціальное свѣтіло, не то Сѣдельниковъ не то Кисельниковъ, — не помню. Съ юнымъ Власомъ Рувимомъ этотъ великій лицейскій обошелся на репетиціи по хамски надменно. Да еще на глазахъ актрисы, къ которой юноша пламенѣлъ всѣмъ сердцемъ. Злопучный Кисельниковъ! Онъ не зналъ, какого язвительнаго врага оскорбилъ и какъ быстро постигнетъ его страшное мщеніе!

Центральное и самое ударное мѣсто въ роли Акосты — знаменитый бѣшеный монологъ его, когда, оскорбленный пинкомъ ноги отъ своего соперника Бено Іохан, онъ не выдержалъ — прервалъ обрядъ унижительнаго покаянія. Выразившись проклятіями, онъ беретъ обратно подневольное отреченіе и громоздитъ провозглашаетъ истину своего ученія. «Спадите, груди камней съ моей груди! на волю, мой языкъ!.. А, все-таки, она вертится! Вы слышите, я говорю, какъ Галилей: а, все-таки, она вертится!.. О, да! Я вѣрую въ тебя, Богъ Адонай! Богъ, топчущій, какъ глину, своихъ враговъ!.. И съ этихъ поръ служу я Богу мести!!!...»

Сцена между Акостой и Рувимомъ предшествуетъ этому прославленному монологу. И вотъ — подступаетъ Власъ къ мрачно нахмуренному трагикъ и, вдохновенно озаренный, съ широкимъ жестомъ начинаетъ звучную декламацию — приблизительно въ такомъ неожиданномъ родѣ:

— Я, братъ, пришелъ сказать тебѣ, чтобы ты
Не отрекался! Что тамъ отрекаться!
Не стойтъ! Ты, братъ, лучше имь
скажи:

«Спадите, груди камней, съ моей груди!
«На волю мой языкъ!..»
— Молчите! что вы мелете? шипитъ ошеломленный гастролеръ, — вы мой монологъ говорите! Молчите!
А Власъ — какъ бы въ самозабвеніи:
— Не отрекайся, братъ! Ты имь скажи:
«А, все-таки, она вертится! Я
«Вамъ говорю, какъ Галилей»...
— Вы съ ума сошли! вы съ ума сошли! перестаньте!
— Нѣтъ, братъ, нельзя перебивать меня!
Ты имь скажи: «я вѣрую въ тебя,
«Богъ Адонай, Богъ, топчущій, какъ глину,
«Своихъ враговъ!»...
И атакъ договорить весь монологъ до конца и ушелъ со сцены съ аплодисментами наивной публики, пьесу не знающей, и при полномъ недоумѣніи публики мудрой, пьесу знающей. Ушелъ въ уборную, заперся и забаррикадировался. А — нѣсколько минутъ спустя — громовый хохотъ зрительнаго зала далъ ему знать, что бѣдный Кисельниковъ-Уріэль, въ свою очередь, уже докладываетъ публикѣ по порядку все, что такъ тщательно и подробно напѣлъ ему въ уши Рувимъ-Дорошевичъ; слово въ слово — и про груди камней, и про Галилея, и про Бога Адоная и — «а, все-таки, она вертится!»... Никогда ни одинъ самый веселый фарсъ не заражалъ публику такимъ безудержнымъ смѣхомъ, какъ этотъ трагическій моментъ, который геніальный Уріэль долженъ былъ проводить, словно

* См. №№ «Русь» 431 и 436.

малопоспелый гимназист пошпаргалкѣ болѣе умнаго брата.

Въ наступившемъ антрактѣ Кисельниковъ пытался Власъ «аркебузировать и весьма живота лишить», но баррикадированной двери не осилилъ.

Представленіе Власомъ этой пародіи въ лицахъ было его комическимъ chef d'œuvre'омъ. Чернымъ по бѣлому невозможно передать искрометной игры его разсказа. Онъ весь перерождался съ быстротою Протѣя, превращался то въ мрачнаго Акосту, то въ перепуганнаго режиссера, то въ хохочущаго зрителя, то въ самого себя, лукаваго отомстителя, то въ актрису, изумленно, съ разинутымъ ртомъ созерцающую небывалый сценическій скандалъ, въ твердой увѣренности, что Власъ внезапно сошелъ съ ума... отъ несчастной любви къ ней!.. То въ свирѣлаго Кисельникова, бухающаго въ запертую дверь тяжеловѣснымъ табуретомъ.

По моему, Власъ любилъ мистифицировать не только другихъ, но и самого себя. Однажды, въ девятидесятыхъ годахъ, я засталъ его въ яростномъ припадкѣ лютотй ревности по рецепту Отелло, венеціанскаго мавра... Ему «измѣнила любимая женщина», въ сущности, давнымъ давно уже нелюбимая и отъ которой онъ радъ радехонекъ быть отвязаться, да и никогда не стоявшая любви. Тѣмъ не менѣе Власъ метался по номеру «Метрополя», какъ дикій звѣрь, вопиая, рычая, восклицая громкія слова и все рвалъ и металъ вокругъ себя, — дождемъ летѣли гребенки, щетки, флакончики. Сперва я даже испугался было за него. Но затѣмъ, приглядѣвшись, замѣчаю: швыряется то онъ вещами стоимостью приблизительно этакъ не свыше рубля-цѣлковаго и все

— мимо зеркала и письменнаго стола, заставленнаго дорогими бездѣлушками... Взоры наши встрѣтились, и, поколебавшись одну секунду, онъ расхохотался и произнесъ самымъ спокойнымъ и естественнымъ тономъ:

— Чертъ знаетъ, что такое! Никакой въ васъ поэзіи! Сухая душа! Вотъ и изволь тутъ среди подобныхъ черствыхъ циниковъ быть человѣкомъ съ высокими чувствами и сильными страстями!

Смолоду онъ серьезно подумывалъ о сценической карьерѣ. Но его, къ счастью, отговорилъ знаменитый артистъ московскаго Малаго Театра, тоже престарѣлый тогда Иванъ Васильевичъ Самаринъ. Къ театру Власъ долго питалъ большой интересъ и хорошо понималъ его. Наши театральные вкусы сходились довольно близко и большинствомъ моихъ театральныхъ друзей — Эрнстъ Поссартъ, Эрнесто Росси, Ф. И. Шаляпинъ (до нашего разрыва въ 1911 г.), Андреа Маджи и др. — рано или поздно дѣлались и его друзьями. Въ Шаляпина Власъ былъ влюбленъ и сдѣлалъ для его прославленія, пожалуй, не многимъ меньше, чѣмъ самъ артистъ. Будучи самодержавнымъ владыкою «Русскаго Слова», Дорошевичъ, одно время, ежедневно вбивалъ имя Шаляпина въ память и воображеніе публики, какъ гвоздь въ стѣну. Шаляпинъ заслуживалъ того, но безъ Дорошевича гипнозъ его имени не распространился бы такъ стремительно быстро и широко и не укрѣпился бы такъ непоколебимо и безапелляционно прочно. Стоитъ вспомнить хотя бы совершенно экстазическія статьи Дорошевича о Шаляпинѣ въ «Медвѣстофелѣ» Бойто въ Миланѣ! Вѣдь это же не рецензіи, а поэмы!

Къ зрѣлымъ годамъ онъ, по собственному, его выраженію «обѣлся театромъ»

и, мало по малу, сдѣлался къ нему, если не столь холоднымъ, какъ я, то, все же, довольно равнодушнымъ. Вънѣшнюю связь съ театромъ въ немъ поддерживала профессія столичнаго журналиста и редактора большой газеты, а также семейная среда: какъ уже упоминалось, онъ былъ женатъ на драматической артисткѣ О. Н. Миткевичъ. Но внутренняя связь утратилась. И, должно быть, уже давно. Въ одномъ его письмѣ ко мнѣ, — еще въ началѣ вѣка, — есть выразительная фраза:

— Чѣмъ дальше живу, тѣмъ больше вижу въ актерѣ только человѣка, ежедневно являющагося въ публичномъ мѣстѣ не въ своемъ видѣ.

Не ручаюсь за редакцію сентенціи, но за точный смыслъ — отвѣчаю.

Чтобы покончить съ богемнымъ періодомъ московскаго Власа, разскажу, еще объ одной общей заботѣ, которая была въ нашемъ кружкѣ одно время въ большой модѣ. Мы принялись усердно писать и печатать въ «Будильникѣ», «Развлеченіи», «Свѣтѣ и Тѣняхъ», «Сверчокѣ», «Зрителѣ» и т. п. юмористическихъ листкахъ фантастическіе разсказы-шаржи съ дѣйствующими лицами, носившими наши имена и фамилии. Въ Марксовомъ изданіи посмертныхъ разсказовъ Чехова имѣется слѣдъ этой забавы. Я изображенъ въ видѣ скромнаго и не пьющаго (нечего сказать, похоже на мое тогдашнее поведение!) гимназиста, который, присутствуя на весьма разгульномъ пикникѣ, то и дѣло поощряетъ весьма выпившимъ репетиторомъ:

— «Пейте, Амфитеатровъ!»..

Я отвѣчалъ Антону Павловичу разсказомъ о преподавателѣ французскаго язы-

ка въ пансіонѣ благородныхъ дѣтвей, москѣ Антуанѣ Чехонте, который, хотя зная по-французски одно только слово «зуй», однако, былъ обожаемъ учениками за то, что произносилъ его съ чистѣйшимъ нижегородскимъ акцентомъ. Наши художники соревновали писателямъ соотвѣтственными каррикатами. Полно курьезную каррикатау И. И. Кланга. Власъ Дорошевичъ съ ужасомъ читаетъ въ «Новостяхъ Дня» собственную свою статью. Подпись — изъ «Власа» Некрасова:

Тамъ на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхъ свои прочелъ!..

Была еще большая каррикатау, кажется, того же Кланга — «Дѣловой день «Будильника», съ портретами Левинскаго, Курепина, Чехова, Пассека, Дорошевича, Гиляровскаго, монмѣ, Сергѣенко и кого-то изъ художниковъ...

Да! было... и бывшемъ поросло! А растеть бывое на могиллахъ дорогихъ и хорошихъ людей... и вотъ, ровесникъ, ихъ переживающій, самъ не замѣчаетъ, какъ вѣкъ превращаетъ его въ «старожилла, который не запомнить» и толкаетъ, хочешь не хочешь, въ мемуаристы. А, понавъ въ этотъ рангъ, какъ ты ни барахтайся противъ его фатума, но, посправивъ вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, невольно впадаешь въ элегическій тонъ и начинаешь распѣвать перомъ по бумагѣ арію изъ «Аскольдовой Могилы» о томъ, что —

Въ старину жибади дѣды
Веселѣй своихъ внучатъ!

А. В. Амфитеатровъ.